

КО ВСѢМЪ ТОВАРИЩАМЪ!

Не надо затемнять.

Невозможно отрицать, что большевизмъ — основное и сильнѣйшее теченіе въ русской социаль-демократіи — переживаетъ въ настоящее время серьезный кризисъ. Существо кризиса заключается въ томъ, что имѣются на-лицо въ высшей степени важные тактическіе и организационные вопросы, которые требуютъ немедленнаго, опредѣленнаго рѣшенія, и которые различными отѣнками большевизма рѣшаются неодинаково. Что же касается формы, въ которой кризисъ протекаетъ, — мелкая организационная борьба, бѣшеная полемика въ официальныхъ статьяхъ и резолюціяхъ, оскорбительная характеристики и т. под., — то она обусловливается не столько существомъ дѣла, которое она, напротивъ, значительно затемняетъ, сколько подпольностью жизни организаций и загранично-эмигрантскимъ характеромъ официальной большевистской прессы. Мы не считаемъ форму раскола и общественного скандала обязательной для подобныхъ кризисовъ, и протестовали противъ нея въ своемъ первомъ обращеніи къ товарищамъ большевикамъ по поводу положенія фракціи.*) Для всякаго должно быть ясно, что *оттѣненность* за такую „форму“ рѣшенія очередныхъ вопросовъ, — или, если эта форма, вопреки нашему мнѣнію, есть наилучшая, то *заслуга* ея проведенія, жизнь — должна быть всецѣло отнесена на долю тѣхъ, кто по своему официальному положенію имѣетъ возможность *руководить* ономъ кризисомъ, — на долю нынѣшняго состава большевистскаго цоа. Мы же теперь постараемся, отвлекшись на время отъ стороны дѣла, разсмотрѣть его сущность. Вопросы, раздѣляющіе въ данный моментъ большевистскую цю, имѣются двухъ родовъ: во-1-хъ), вопросы *дѣйствительно* спорныя; и во-2-хъ), вопросы *безспорныя*, т. е. такіе, которые сдѣланы спорными только по недоразумѣнію, или благодаря разгорѣвшейся атмосферѣ борьбы внутри фракціи, когда самыя несомнѣнныя вещи отвергаются иной разъ только потому, что ихъ утверждаютъ „враги“, т. е. товарищи другого оттѣнка.

1. ВОПРОСЫ СПОРНЫЕ.

Основной изъ нихъ есть именно тотъ, о которомъ умалчиваютъ недоговариваютъ, котораго стараются даже не называть: во-1-хъ — куда мы идемъ? какова историческая судьба нашего цоа, — *новая революціонная волна или органическое развитие?*

Стоитъ прямо и ясно поставить этотъ вопросъ, чтобы увидѣть, что, при однѣхъ и тѣхъ же основныхъ посылахъ революціоннаго царизма, два разныхъ его рѣшенія даютъ двѣ разные политическія линіи.

Тутъ становятся спорными слѣдующіе важные вопросы: отношеніе къ Гос. Думѣ и другимъ „легальнымъ возможностямъ“ — профессиональнымъ союзамъ, кооперативамъ и пр.; отношеніе къ революціонно-боевой традиціи большевизма; отношеніе къ нелегальной организации.

а) Отношеніе къ Г. Дулѣ и легальнымъ возможностямъ.

Предположимъ, что нашему поколѣнію не видать новой революціонной волны, что столыпинскіе планы умиротворенія выполняются болѣе или менѣе удачно, и нынѣшнее правительство съ 3-ей и слѣдующими Думами твердою рукою ведетъ Россію по пути буржуазнаго развитія такъ, какъ это всего удобнѣе для помещиковъ и крупной буржуазіи, вмѣстѣ взятыхъ. Тогда все развитіе Россіи должно идти „органическимъ путемъ“: въ деревнѣ возмѣняется понемногу прусско-юнкерская система, въ городѣ рабочий классъ понемногу организуется на каждодневной экономической борьбѣ, а также на тѣхъ формахъ политической дѣятельности, которыя допускаетъ правящій союзъ аграріевъ и капиталистовъ съ бюрократіей; либеральныя реформы мало-по-малу вынуждаются самимъ экономическимъ развитіемъ и мирнымъ, непрерывнымъ давленіемъ снизу при посредствѣ общественнаго цоа; думскія большинства постепенно лѣвѣютъ, и въ ряду реформъ, неохотно и упираясь, проводятъ эти самыя реформы. Тогда центръ тяжести партійной работы? Дѣло совершенно ясное: въ Гос. Думѣ и другихъ „легальныхъ возможностяхъ“, какія еще находятся въ наличности. Именно тамъ, потому что болѣе и негдѣ, такъ что и разсуждать не приходится: надо идти, куда пускаютъ.

Тогда всякому, кто сказалъ бы, что нельзя дѣлать парламент-

скую работу въ такомъ учрежденіи, какъ 3-ья Дума, центральнымъ пунктомъ партійной жизни, можно съ полнымъ основаніемъ отвѣтить, напимѣрь, такъ:

„Когда имѣются на-лицо дѣйствительно условія острой и усиливающейся реакціи, когда механическая сила этой реакціи дѣйствительно разрываетъ связь съ массами, затрудняетъ достаточно широкую работу и ослабляетъ партію, именно тогда специфической задачей партіи становится овладѣніе парламентскимъ оружіемъ борьбы... Чѣмъ сильнѣе механическая сила реакціи, чѣмъ болѣе ослаблена связь съ массами, тѣмъ болѣе выдвигается на очередь... *использованіе созданныхъ старой властью путей пропаганды и агитаціи.*“ („Прол.“, 47-8, прил.).

Но предположимъ, что историческія перспективы не тѣ. Пусть нынѣшній моментъ есть межъ-революціонный, — не въ томъ смыслѣ, что завтра будетъ новая революція, но и не въ томъ, что наши потомки когда-нибудь переживутъ революцію, а въ томъ, что *еще наше политическое поколѣніе* должно будетъ участвовать въ новой революціонной волнѣ и, значитъ, *обязано будетъ руководить ею*. Тутъ весь способъ разсужденія неизмѣнно мѣняется.

Съ одной стороны, передъ нами важнѣйшая и по существу центральная задача: подготовить партію и пролетаріатъ къ прямой революціонной борьбѣ. Для всякаго ясно, что избирательная и думская работа непосредственно такой подготовки не даетъ, а можетъ лишь косвенно служить ей. Съ другой стороны, самая думская арена, какъ и прочія „легальныя возможности“, становится тогда величиной колеблющейся и политически-ненадежной. Въ странѣ, идущей къ революціонному кризису, и находящейся въ то же время подъ властью реакціи, всякія „думы“ и „легальныя возможности“ даются и отнимаются, расширяются и урѣзываются сообразно неустойчивымъ расчетамъ судорожно-мечущейся въ стремленіи отнестись неотвратимое бюрократіи съ ея союзниками. По обѣимъ этимъ причинамъ несомнѣнно, что думскую работу *нельзя* сдѣлать центральнымъ пунктомъ, которому подчиняются и къ которому приспособляются всѣ остальные партійныя задачи и функціи; нельзя сдѣлать такимъ центральнымъ пунктомъ и прочія „легальныя возможности“.

Разумѣется, и тогда для партіи необходимо безъ упущенія использовать все, что возможно и *выгодно*. Но тогда надо тщательно взвѣшивать, а не брать безъ разбора все, что создано „старой властью“. Такъ, работа въ профессиональныхъ союзахъ, клубахъ, кооперативахъ можетъ быть только полезною для партіи, если при этомъ значеніе ихъ не искажается, и они не противопоставляются нелегальной работѣ, какъ нѣчто конкурирующее съ нею или даже ее исключающее. Но уже вопросъ объ участіи въ завѣдомо реакціонной Думѣ становится очень и очень спорнымъ. Использовать ее *извне* — безусловно возможно и обязательно; ея критика, анализъ ея группировокъ, ея обличеніе и т. д. — превосходное орудіе пропаганды и агитаціи. Но использование *изнутри* представляетъ уже не только выгоды, которыя, конечно, очевидны всякому — возможность пропаганды и агитаціи съ открытой общероссійской трибуны, — но также извѣстныя неудобства и опасности. Тутъ не приходится тогда игнорировать даже того, что самымъ участіемъ до нѣкоторой степени санкціонируется, по крайней мѣрѣ, въ глазахъ широкой массы, завѣдомо вредное учрежденіе. Затѣмъ, при скверномъ избирательномъ законѣ, составъ фракціи не можетъ вполне соответствовать политическому уровню партіи, а если реакціи удастся изолировать фракцію отъ массъ, то составъ ея можетъ понизиться еще болѣе, и ея выступления могутъ безъ нужды компрометтировать партію. На почвѣ ея ошибокъ, и различной оцѣнки ея значенія въ связи съ этими ошибками, могутъ обостриться разногласія внутри партіи, а въ душной атмосферѣ подполья они могутъ развиваться до степени расколовъ, глубоко дезорганизующихъ партію, и т. д. Все это должно быть принято во вниманіе, какъ при рѣшеніи самаго вопроса объ участіи въ Думѣ или ея бойкотѣ, такъ и позже, при всякой провѣркѣ и всякомъ подведеніи итоговъ партійной работы. Оцѣнка можетъ быть неодинаковой, потому что учетъ выгодъ и невыгодъ очень сложенъ и труденъ, данныя, на которыхъ онъ основывается, лишь приблизительны и неточны. Вопросъ должны рѣшать организации, по возможности — демократическимъ путемъ; и было бы нелѣпо, если бы изъ-за чисто практической оцѣнки онѣ при этомъ раскалывались на новыя фракціи. При рѣшеніи вопроса о 3-ей Думѣ, у большевиковъ въ ихъ исполнительній коллегіи — большевистскомъ центрѣ — значительное большинство было за участіе; наоборотъ, на конференціи изъ 10 представителей отъ 6-скихъ организаций 9 было за бойкотъ, одинъ Ленинъ — противъ него; но делегаты не-большевистскіе были за участіе, и таково оказалось партійное рѣшеніе. Большевики подчинились и пошпи въ избирательную кампанію; но отъ права критики сдѣ-

историческая ста-
льства
спѣш-
гарной
зобла-
къ ея
о или
я, не
агляд-
тарой
у раз-

эпохи.
въ это
ать о
торые

гогда,
ихъ
и не-

резъ
й за-
тыхъ
у не-
нно-

его
сдѣ-
арой
орга-
про-

въ
Для
аст-
иче-
въ
гол-
ыхъ

воз-
тс-
фи-
акъ
ре-
ую

ли-
до-
нѣ-
сть
и
аго
аго
ить
за-
со-

мъ
ед-
не
во,

ды
то
ное
ыя
че-
**)

въ-
тъ
ое
мъ
и-
и-
да
тъ
и-
и-
а-
съ
ю-

*) Отчетъ устранившихся членовъ расширенной редакціи „Пролетарія“.

данного партией шага, отъ права проверки и учета его последствий они, конечно, не отказывались.

Если затѣмъ, на почвѣ этого учета, возникаютъ новыя практическія предложенія, въ родѣ отозванія фракціи, то рѣшать вопросъ о нихъ надо опять-таки организационнымъ путемъ. Устройство раскола ничего не выясняетъ; напротивъ, оно устраняетъ на будущее возможность партійнаго выясненія дѣла, устраняя возможность совмѣстнаго обсужденія и голосованія, которое закрѣпило бы позицію большинства данной фракціи и партіи.

Но опять-таки, участіе или неучастіе, отозваніе или неотозваніе, ультимативное требованіе отъ депутатовъ подчиненія партіи, или отказъ отъ такого требованія — все это тогда лишь подчиненные, а не центральные вопросы партійной жизни.

в) Отношеніе къ револ.-боевымъ задачамъ и традиціи.

Здѣсь двѣ политическія линіи еще проще и очевиднѣе. Если мы держимъ курсъ на „органическое развитіе“, то для нашего поколѣнія революціонно-боевые вопросы и задачи *просто не существуютъ*, а связанная съ ними традиція — вредный пережитокъ прошлаго, пережитокъ, отъ котораго необходимо какъ можно скорѣе отдѣлаться. Тогда всякому, кто будетъ говорить намъ объ этихъ задачахъ и вопросахъ, объ ихъ теоретической разработкѣ на основѣ опыта нашей и другихъ новѣйшихъ революцій, и о практической подготовкѣ ихъ разрѣшенія къ тому времени, когда оно потребуетъ на дѣлѣ, мы въ правѣ сказать, что онъ повторяетъ, вовсе не къ мѣсту, заученныя революціонныя фразы, что необходимо порвать съ боевизмомъ, который „при острой и усиливающейся реакціи *свелся*, неизбежно *свелся* къ авантюризму“, и т. п.*) Все это было бы тогда и уместно, и понятно, и благо-родно.

Но предположимъ, что долгое „органическое развитіе“ Россіи есть только октябристская мечта, не болѣе. Пусть реакція въ силахъ еще долго держаться — цѣлые годы, — но еще *намъ* придется сдвинуть съ ней революціонные счеты. Въ такомъ случаѣ передъ нами неотвратимо встаетъ вопросъ объ ихъ подготовкѣ, теоретической и практической: о серьезномъ и систематическомъ изученіи всего, что дала въ этомъ отношеніи первая революціонная волна, о выясненіи ошибокъ, недочетовъ и пробѣловъ, которые тогда обнаружились въ данной области, о распространеніи соотвѣтственныхъ знаній среди партіи и среди пролетарской массы, о поддержаніи уцѣлѣвшихъ боевистскихъ элементовъ въ партійности и дисциплинѣ, и о соотвѣтственномъ воспитаніи той рабочей молодежи, которая проявляетъ тяготѣніе въ эту сторону; объ усиленіи пропаганды въ войскахъ и, если возможно, о воссозданіи распавшихся военныхъ организаций и т. д. Пусть всякія непосредственныя выступленія ненужны и вредны въ годы наибольшаго торжества реакціи, сводясь тогда къ безплодной растратѣ крови и силъ; но чтобы удержать отъ нихъ пылкія, страстныя головы, надо дать имъ нѣчто взамѣнъ: серьезное и внимательное отношеніе къ вопросу, дѣловое его изученіе, организационную и пропагандистскую работу, подготовляющую разрѣшеніе его въ будущемъ.

Очень возможно, что при нынѣшней слабости организаций вся работа въ этомъ направленіи сведется на ближайшее время къ теоретическому и литературно-пропагандистскому выясненію вопроса. Только сами организации, сообразуясь со всеми условіями своей работы въ ея цѣломъ, должны, въ рамкахъ общей партійной тактики, рѣшать, что здѣсь возможно, и что въ данный моментъ удобно. Но голое игнорированіе революціонно-боевой традиціи, — тѣмъ болѣе, грубый разрывъ съ нею могутъ только оказать услугу анархистамъ и максималистамъ въ дѣлѣ отвлеченія мало сознательной, но по чувству глубоко-революціонной части пролетаріата отъ правильнаго, партійнаго пути.

Правда, тутъ кажется возможной еще иная тактическая позиція. Можно, повидимому, разсуждать и такъ: реакція еще не пошла на убыль, и значитъ, протянется долго, навѣрное, еще цѣлые годы; поэтому теперь выгоднѣе совсѣмъ отбросить вопросы революціонно-боевого дѣла и военной пропаганды, — останется больше силъ на другія, напр., думскія задачи; а когда мы увидимъ, что революція близко, тогда и вернемся къ тѣмъ вопросамъ. И можно сослаться на прошлое: вѣдь „большевизмъ умѣлъ выдвинуть и боевую дѣятельность, и пропаганду въ войскахъ особенно сильно въ періодъ остраго и усиливающагося революціоннаго подъема“; а теперь очередные интересы не тѣ... Но — чтобы разсуждать такъ, надо закрыть глаза на свое прошлое, забыть самыя тяжелыя, самыя кровавыя уроки.

Большевики, въ самомъ дѣлѣ, „умѣли выдвинуть“ боевыя и военныя задачи во время остраго подъема... Ну, а сумѣли ли они сколько-нибудь удовлетворительно ихъ *разрѣшить*? Кто посмѣетъ сказать, что сумѣли? Винить нельзя: не могли, не успѣли. Съ начала „остраго подъема“, и до момента, когда разразилось возстаніе, прошло всего 11 мѣсяцевъ (январь — декабрь 1905 г.). Гдѣ же тутъ было рѣшить труднѣйшія задачи о высшихъ революціонныхъ формахъ борьбы? Гдѣ было подготовиться на дѣлѣ къ возстанію, неизбежность котораго была, однако, всѣмъ ясна! За то же время, сколько еще надо было рѣшить другихъ важнѣйшихъ политическихъ вопросовъ, которые всегда, вѣдь, толпой тѣснялись въ эпохи острыхъ кризисовъ.

И въ результатъ неподготовленности, какое безсиліе, какая безплодная растрата человеческихъ жизней, какія униженія! Пусть пораженіе было неизбежно при тогдашнемъ соотношеніи общественныхъ силъ, но насколько оно оказалось тяжелѣе отъ сознанія того, какъ дешево досталась врагамъ побѣда, какъ слабы и

человѣки были наши удары! Пусть героически бились и честно умирали товарищи; но насколько мучительнѣе воспоминаніе о погибшихъ, когда мы знаемъ, что будь у насъ побольше умѣнья — и многіе изъ нихъ остались бы съ нами, какъ полезныя работники общаго дѣла, а многіе изъ нагло торжествующихъ враговъ лежали бы теперь на ихъ мѣстѣ. И вотъ намъ говорятъ: повторимъ все это заново; забросимъ вопросы жизни и смерти мы „сумѣемъ выдвинуть ихъ“, когда они сами вплотную надуются на насъ. Неправда ли, какъ это благоразумно?

И надо еще имѣть въ виду, что, въ случаѣ новаго подъема, движеніе революціонной волны, разъ уже пройденной страной, неизбежно окажется еще болѣе стремительнымъ, и еще быстрѣе придетъ къ высшимъ формамъ борьбы. Чего же хотѣть тѣ, кто находятъ достаточнымъ *тогда* „выдвинуть задачи“, а теперь публично отрещиваются отъ нихъ и стараются скомпрометтировать даже тѣхъ, кто объ нихъ напоминаетъ? Хотѣть ли они кровью тысячъ товарищей дать новую иллюстрацію къ старой, всѣмъ извѣстной истинѣ?

Конечно, нѣтъ. Они просто неискренни, и въ этомъ ихъ единственное оправданіе. Въ душѣ они совершенно увѣрены, что подготовляться-то намъ совершенно не къ чему, — что для нашего поколѣнія нѣтъ и не будетъ революціонно-боевыхъ задачъ, и только для того, чтобы не обезкураживать партію, считаютъ нужнымъ повторять: „мы идемъ къ новому подъему, и тогда „сумѣемъ выдвинуть боевую дѣятельность и пропаганду въ войскахъ“. Но партія не ребенокъ, котораго надо убаюкивать, и она не будетъ благодарна политическимъ нянюшкамъ за обманъ...

Надо сказать прямо и честно: держимъ курсъ на органическое развитіе, а потому отвергнемъ, какъ утопію и революціонную фразу, вопросы о возстаніи, о вооруженной борьбѣ.

с) Отношеніе къ нелегальной организаціи.

Необходимость сохраненія и развитія нелегальной организаціи не оспаривается и тѣми, кто стоитъ на точкѣ зрѣнія „органическаго развитія“. Это вполне естественно: въ числѣ „легальныхъ возможностей“, „созданныхъ старой властью“, использование которыхъ ставится какъ центральная задача партіи, нѣтъ одной, довольно важной, — возможности легальнаго существованія партіи. Но очевидно, что отношеніе къ нелегальной организаціи, при различной оцѣнкѣ историческаго момента, окажется различное въ одномъ случаѣ нелегальную организацію надо приспособлять къ думской работѣ прежде всего, а затѣмъ къ другимъ „легальнымъ“ задачамъ, подчинять ея строеніе и внутреннюю жизнь этимъ функциямъ; въ другомъ случаѣ ее надо приспособить прежде всего къ нелегальнымъ ея функциямъ и задачамъ, дум же работу и вообще работу на легальной почвѣ *подчинять* потребностямъ нелегальной организаціи.

Въ первомъ случаѣ преобладающее значеніе въ партіи до получаютъ группы и организации, руководящія дѣятельностью ской фракціи, а самъ Ц. К. превращается въ главную изъ та коммиссій, — съ теченіемъ же времени, когда фракція укрѣпи и получить нѣкоторое политическое воспитаніе, неизбеженъ переходъ къ ней дѣйствительнаго главенства въ партіи — вѣрнѣ надъ партіей, ибо легальная фракція при нашихъ условіяхъ не можетъ сливаться съ нелегальной партіей. Во второмъ случаѣ главная роль принадлежитъ мѣстнымъ организациямъ, наибольші силы сосредоточиваются на ихъ непосредственной пропагандистской, агитаціонной и т. д. работѣ, думская фракція „ультимативъ подчиняется партійнымъ центрамъ, основная задача которыхъ объединеніе и поддержка *листной* работы.

Соотвѣтственно различнымъ должно оказаться и устройство мѣстныхъ организаций, и характеръ ихъ работъ, и все распре-леніе ихъ силъ. Но это само по себѣ настолько ясно, что нѣ надобности здѣсь изслѣдовать это подробнѣе.

Такимъ образомъ и вопросъ о значеніи нелегальной партійной организаціи по существу даже не есть одинъ и тотъ же вопросъ при томъ и при другомъ пониманіи историческаго момента.

2. КАКЪ МЫ, СТАРЫЕ БОЛЬШЕВИКИ, РѢШАЛИ СПОРНЫЕ ВОПРОСЫ?

Формально, у насъ существуетъ обще-партійная оцѣнка положенія нашей страны, историческихъ перспективъ, изъ него вытекающихъ. Она гласитъ: общественныя силы не пришли къ равновѣсію, намъ предстоитъ пережить новый революціонный кризисъ, на органическое развитіе расчитывать нельзя.

Намъ всего важнѣе, конечно, не то, что эта точка зрѣнія установлена на послѣдней, январской конференціи нынѣшняго года, и официально обязательна для насъ въ пропагандѣ и агитаціи. Этимъ вовсе не исключается возможность имѣть свое мнѣніе, и отстаивать его въ политическомъ анализѣ. Но мы *согласны* съ официальнымъ взглядомъ партіи, признаемъ его вполне обоснованнымъ самой дѣйствительностью.

Ученіе историческаго матеріализма говоритъ, что революціонный кризисъ не можетъ завершиться, пока производительныя силы общества не будутъ въ достаточной мѣрѣ освобождены для дальнѣйшаго развитія отъ стѣсняющихъ это развитіе имущественныхъ отношеній и политическихъ формъ, или не будутъ въ достаточной мѣрѣ разрушены, чтобы вновь уложиться безъ глубокаго противорѣчія въ тѣ же старыя имущественныя и политическія рамки. Послѣдній случай означаетъ, конечно, и безысходное пораженіе революціи, неспособность даннаго общества къ развитію, — предположеніе, для котораго исторія русскаго народа не дала до сихъ поръ никакихъ основаній, и изъ котораго, къ тому же, никакой политической линіи вывести нельзя. Поэтому мы и не станемъ его вовсе разсматривать.

Итакъ, произошло ли въ нашей странѣ такое освобожденіе производительныхъ силъ, которое гарантируетъ нормальный ходъ ихъ

*) Впрочемъ, и тогда, изъ уваженія къ нашему прошлому, и къ льющейся до сихъ поръ человеческой крови, слѣдовало бы воздержаться отъ ненужной брани, въ родѣ „авантюризма оголѣлыхъ боевиковъ“ и т. п. („Прол.“, 47-48, прил.). Это болѣе къ лицу черносотенцамъ и кадетамъ.

**) Прилож. къ № 47-48 „Прол.“, стр. 2.

131

дальнейшего развития? На это въ высокой степени ясный и вполне отрицательный отвѣтъ даетъ состояніе россійской промышленности, крестьянскаго хозяйства и государственныхъ финансовъ, а также международное положеніе государства.

О томъ, какъ обстоитъ дѣло съ россійской промышленностью, нашъ пролетарій слишкомъ хорошо знаетъ по невиданной, безпримѣрной безработицѣ, породившей даже въ статистикѣ ежедневныхъ самоубійствъ обширную новую рубрику — самоубійства безработныхъ отъ голода...

Насколько удалось крестьянству за эти годы избавиться отъ невыносимой земельной тѣсноты, о томъ свидѣлствуютъ официальные государственные отчеты, по которымъ крестьянскій банкъ съ 1905 г. по 15 ноября 1908 г. продалъ крестьянамъ около 673 тысячъ десятинъ, тогда какъ *естественный приростъ* крестьянскаго населенія въ такой промежутокъ времени не меньше 2 1/2 миллионъ человѣкъ.

Государственная роспись? Последняя роспись имѣетъ дефицитъ въ 481 милл. рублей. Государственный долгъ дошелъ до 11.800 милл. рублей. Проценты по немъ уплачиваются новыми займами.

А международное положеніе? Дѣло дошло до того, что французскіе и англійскіе финансисты открыто обсуждаютъ проектъ о томъ, чтобы дать новый огромный заемъ русскому правительству, но при этомъ поставить его финансы подъ контроль международного комитета банкировъ...

Обостряющаяся міровая конкуренція повелительно требуетъ не только того, чтобы производительныя силы даннаго общества вообще развивались, но еще и того, чтобы прогрессъ ихъ шелъ ускореннымъ темпомъ, какъ въ другихъ, свободныхъ странахъ, и чтобы также ускоренно возрастало могущество ограждающей ихъ военной организации. Иначе страна превращается въ поле экономическаго, а затѣмъ, при случаѣ, и политическаго завоеванія для капитала другихъ странъ. Первые фазы этого процесса уже наблюдаются въ Россіи: либерально-патріотическая пресса не даромъ все время бьетъ тревогу по поводу происходящей „распродажи Россіи по частямъ“ иностраннымъ капиталистамъ, и по поводу неслыханныхъ униженій русской дипломатіи на Балканскомъ полуостровѣ и въ Персіи. Свободное развитіе собственнаго русскаго капитализма при такихъ условіяхъ невозможно, и кризисъ неизбеженъ.

О современномъ положеніи Россіи Карлъ Каутскій пишетъ*):

„Новаго революціоннаго толчка я жду только отъ международной политики.“

„Царская власть обанкротилась въ финансовомъ и военномъ отношеніи. Несмотря на это, или скорѣе именно поэтому, она старается отвести глаза отъ внутренней нищеты къ внѣшнему „величію“. Къ этому приводитъ ее общее положеніе Европы: растущее обостреніе вражды между державами и приближеніе міровой войны. Россія оказывается между двумя вражескими лагерями: съ одной стороны Германія съ Австріей, съ другой — Англія съ Франціей. Россія стоитъ у стрѣлки вѣсовъ, и это придаетъ ей значеніе, не соответствующее ея безсилію. Прибавьте къ этому зависимость Россіи отъ французскаго финансоваго капитала, вынуждающую ее фактически вести его политику. Эта политика поставила Россію временно въ благоприятное положеніе, но она же грозитъ втянуть ее въ такія пробы силъ, которыя окажутся для нея роковыми. Весною Россія попала уже въ такое положеніе, изъ котораго смогла выйти только цѣною униженія. Скоро она можетъ попасть въ подобное положеніе снова, и подвергнуться уже не униженію, а полному разгрому.“

„Къ этому нужно быть готовымъ.“

Очевидно, не о „думской“ готовности идетъ здѣсь рѣчь, — не о готовности внести запросъ или выпустить оратора, но о совершенно иной. И тотъ, кто въ такую эпоху предлагаетъ держать курсъ на органическое развитіе, сдѣлать *центральными* задачами думскія, порвать съ революціонно-боевой традиціей, тотъ есть слѣпой вождь — не болѣе, какое бы имя онъ ни носилъ.

Большія сомнѣнія относительно будущаго революціи вызвали среди нѣкоторыхъ товарищей аграрной мѣропріятія Столыпинскаго правительства и специально законъ 9 ноября. Высказываются опасенія, что если мѣропріятія эти увѣнчаются успѣхомъ, то правительство получитъ прочную опору среди крестьянства, у революціи будетъ отнята ея главная массовая сила, и единственно возможнымъ останется путь органическаго развитія. Мы полагаемъ, что эти опасенія неосновательны.

Аграрная политика правительства направлена къ укрѣпленію верхнихъ, наиболѣе хозяйственныхъ слоевъ крестьянства: только они фактически въ состояніи воспользоваться весьма не дешевой распродажей земель черезъ Крестьянскій банкъ и землеустроительныя комиссіи, для нихъ всего выгоднѣе разрушеніе общины и семейныхъ формъ собственности. Но на эту-то часть крестьянства мы и не могли, не должны были рассчитывать, какъ на активно-революціонную. Конечно, привлекая ее на свою сторону, правительство усиливаетъ свою позицію; но, какъ это часто бываетъ въ исторіи, организуя реакціонную силу, оно тѣмъ самымъ организуетъ и революціонную. Граница между сельской буржуазіей и несравненно болѣе, чѣмъ она, многочисленной деревенской бѣднотой, становится рѣзче и глубже; полу-пролетарскіе и пролетарскіе слои крестьянства тѣснѣе сплавляются благодаря этому, и яснѣе сознаютъ безысходность своего положенія при нынѣшнемъ строѣ. Разрушеніе же общинныхъ и семейно-имущественныхъ связей имъ также во многомъ развязываетъ руки, увеличиваетъ неустойчивость ихъ существованія, и вмѣстѣ съ тѣмъ ихъ социальную подвижность, что можетъ только облегчать ихъ революціонное воспитаніе. Наконецъ, грубый и часто насильственный характеръ предпринимаемой ломки старыхъ формъ деревенской жизни является могучимъ революціонизирующимъ орудіемъ по отношенію къ тѣмъ, кто на себѣ испытываетъ эту ломку. Тутъ

накопленіе революціонныхъ силъ для кризиса выигрываетъ больше чѣмъ теряетъ.

Въ очень своеобразной формѣ даетъ оцѣнку нынѣшняго историческаго момента, какъ момента *мелко-революціоннаго*, сама старая бюрократія. Эпидемія чиновнаго воровства и грабительства приобрѣла невиданную напряженность, при чемъ крайняя спѣшность въ дѣлѣ хищенія не оставляетъ мѣста самой элементарной осторожности. И въ то же время растетъ эпидемія саморазоблаченій бюрократіи: то и дѣло ей измѣняютъ самые близкіе къ ея тайнамъ, самые осведомленные агенты, измѣняютъ скрыто или явно, давая всяческое оружіе врагамъ существующаго строя, не боясь, какъ боялись прежде, ея грозной мести. Можно ли нагляднѣе выразить убѣжденіе въ исторической близости конца старой системы, въ ея коренной неспособности къ органическому развитію?

Крайняя правая и крайняя лѣвая сходятся въ пониманіи эпохи. А средніе элементы? Они колеблются и недоумѣваютъ, какъ это имъ всегда свойственно. Но не у нихъ же намъ спрашивать о томъ, какъ рѣшать спорные вопросы. А тѣмъ вождямъ, которые заблуждаются, мы сами объяснимъ, въ чемъ дѣло.

3. КАКИМЪ СПОСОБОМЪ ЗАТЕМНЯЮТСЯ СПОРНЫЕ ВОПРОСЫ?

Спорные вопросы затемняются въ наибольшей мѣрѣ не тогда, когда дается невѣрное, но определенное и послѣдовательное ихъ рѣшеніе, а тогда, когда дается рѣшеніе непослѣдовательное и *неискреннее*.

Если бы намъ сказали:

Россіи предстоитъ долгій путь органическаго развитія черезъ октябристскую конституцію; *поэтому* главной и центральной задачей мы должны сдѣлать использование органовъ, созданныхъ старой властью, къ думской работѣ, приспособлять всю нашу нелегальную организацию, и безусловно порвать съ революціонно-боевыми традиціями, —

то все было бы тутъ просто и ясно.

Вмѣсто того намъ говорятъ:

Россія идетъ къ новому революціонному кризису; *чтобы* его приблизить и достойно къ нему подготовиться, намъ надо сдѣлать центромъ и основой своей работы Думу, созданную старой властью, къ думской работѣ приспособить всю нелегальную организацию, и радикально порвать съ революціонно-боевыми вопросами и задачами.

Такъ учитъ насъ редакція „Пролетарія“. Ея послышки бьютъ въ лицо ея выводамъ.

Основную фальшь позиціи приходится всячески скрывать. Для этого надо завернуть ее въ возможно большее количество частныхъ соображеній, и даже просто словъ, — въ массу полемическихъ приемовъ, искажающихъ точку зрѣнія противниковъ, въ усиленное разрисовываніе ихъ врагами парламентаризма, „оголѣлыми боевиками“, „богостроителями“, устроителями новыхъ фракцій, и т. п., и т. п.

Слѣдовать за всей этой механикой здѣсь для насъ нѣтъ возможности: у насъ, вѣрныхъ знамени большевиковъ, не имѣется органа, гдѣ мы могли бы детально разоблачать тактику официальныхъ лидеровъ, измѣнившихъ этому знамени. Да и не такъ уже это важно. Во всякомъ случаѣ, утаить въ мѣшкѣ шило редакціи „Пролетарія“ не удастся, она то и дѣло разоблачаетъ свою основную неискренность.

Такъ, она съ выраженіемъ горячаго сочувствія и полной солидарности перепечатала изъ „Рабочаго Знамени“ статью, гдѣ доказывалось, что у насъ *есть конституція*, а именно вполне определенная, октябристская.**) Что означаетъ: „у насъ есть конституція“? Что въ нашей странѣ имѣется *установившееся и оформленное соотношеніе общественныхъ силъ*, изъ котораго должны органически исходить дальнѣйшія фазы политическаго развитія. Не мудрено, что Милюковъ могъ въ Англіи вообразить себя лидеромъ всей русской оппозиціи, когда его знаменитое заявленіе: „у насъ, слава Богу, есть конституція“ нашло себѣ сочувственный откликъ на столбцахъ „Пролетарія“.

Или вотъ другой примѣръ. Вспоминая сдѣланное Максимовымъ и другими бойкотистами въ іюлѣ 1907 года на конференціи предсказаніе, что при законѣ 3-го іюня и усиливающейся реакціи не удастся создать достойное партіи парламентское представительство, Ленинъ пишетъ:

„Рекомендовать „инструкторскія школы“ и „усиліе пропаганды въ войскахъ“ при „острой и усиливающейся реакціи“ — и въ то же время отрицать *возможность* для партіи имѣть достойное парламентское представительство, это значитъ говорить наглядныя несообразности, достойныя для помѣщенія въ сборникъ логическихъ нелѣпостей для учениковъ низшихъ классовъ гимназій.“**)

Совершенно очевидно, что тутъ для затемненія вопроса смѣшаны воедино несоизмѣримыя вещи: нелегальная и конспиративная работа, на примѣръ, военной пропаганды, которая ни отъ какихъ избирательныхъ законовъ не зависитъ, и парламентское представительство, которое *прежде всего* опредѣляется характеромъ избирательнаго закона. Почему у насъ проходятъ въ Думу Чиликинъ, Кузьмо и Гайдаровъ, въ лучшемъ случаѣ политически неопытный и неустойчивый Покровский, а не тов. Ленинъ, тогда какъ у нѣмцевъ въ эпоху исключительныхъ законовъ проходилъ Бебель? Прежде всего потому, что у насъ архи-цензурный законъ 3-го іюня, а тамъ было всеобщее избирательное право. А если *совсѣмъ* отнимутъ рабочую курію, неужели и тогда будетъ „логической нелѣпостью“ отрицать „возможность достойнаго представительства“? И значитъ ли это, что тогда пропаганду въ войскахъ надо прекратить окончательно и безусловно? Кто же тутъ говорить „наглядныя несообразности“?

*) „Пролетарій“, № 39.

**) Прил. къ „Пролетарію“, № 47-48, стр. 1.

*) Въ своемъ „Письмѣ къ партійной школѣ“ Р. С.-Д. Р. П.

Но все это становится гораздо менее нетленным, если мы поймем *скрытую* предпосылку разсуждения. Посылка же эта гласит: конституция у нас, слава Богу, есть, и, следовательно, права посылать Чиликина и Гайдара у нас ни в каком случае не отнимут, — октябристы не позволяют, ибо конституция то ихняя; скорѣе даже напротив, путем органическаго развитія мы достигнемъ права посылать еще кого-нибудь, если не Ленина, то Соколова, и т. д.

...Напрягая всѣ силы, — говоритъ тамъ же Ленинъ, — мы рѣшимъ (и мы уже *начинаемъ рѣшать*) задачу революціонно-соц.-дем. использованія 3-ей Думы...

Вотъ вы и сообразите, читатель: 3-ья Дума работаетъ *два года*, и мы *уже начинаемъ рѣшать* задачу ея использованія. Когда же это, примѣрно, мы на дѣлѣ *рѣшили* задачу, и „начнемъ“ настоящее использованіе? Не ясно ли, что Ленинъ разсчитываетъ на весьма длительные періоды, если не геологическіе, то выходящіе изъ рамокъ дѣятельности нынѣшняго политическаго поколѣнія? Но это и надо сказать прямо, а не смутными намеками. Тогда постановка спорныхъ вопросовъ была бы открытая и прямая, ихъ обсужденіе и рѣшеніе — несравненно легче и проще, чѣмъ теперь.

Изъ приведеннаго сейчасъ примѣра видно, что Ленинъ подъ „использованіемъ“ 3-ей Думы подразумѣваетъ не то, что дѣлалось и дѣлается — хотя, конечно, очень плохо, — до сихъ поръ, а нѣчто особенное и грандіозное, къ чему мы еще только „начинаемъ“, или даже еще не начали приступать, о чемъ еще только „начинаемъ рѣшать вопросъ“. Ясно, какія преувеличенныя *ожиданія* кроются въ этомъ настроеніи; съ увѣренностью можно сказать, что третье-думская работа ни въ какомъ случаѣ ихъ не оправдаетъ. Хорошо, если удастся сколько-нибудь значительно ее улучшить; но даже при самомъ серьезномъ успѣхѣ въ этомъ смыслѣ, она все равно останется лишь одною — и не главною — изъ частей обще-партиіной работы.

Во всякомъ случаѣ, пока думская работа существуетъ, и партиа находитъ ее нужной, партиіныя организаціи должны ей оказывать реальную и энергичную поддержку. Единство партиінаго дѣйствія важнѣе всякихъ частныхъ разногласій. Въ моментъ дѣйствія и особенно въ самомъ дѣйствіи не время и не мѣсто заниматься критикою партиіныхъ рѣшеній, которая вполне уместна и законна во всякихъ другихъ случаяхъ. Мы всегда стояли на этой точкѣ зрѣнія. Когда партиа рѣшила принимать участіе въ 3-ей Думѣ, то большевики-бойкотисты самымъ активнымъ образомъ вступили въ избирательную кампанію; а популярная рабочая газета „Впередъ“, которая редактировалась бойкотистомъ Максимовымъ подъ контролемъ комиссіи изъ рабочихъ — также въ большинствѣ бойкотистовъ, призывала къ участію въ выборахъ. Не можетъ и не должно быть иной точки зрѣнія нынѣшнихъ „ультиматистовъ“, которые настаиваютъ на строгомъ подчиненіи думской фракціи партиінымъ рѣшеніямъ, — ибо партиіная дисциплина, конечно, одна для всѣхъ.

Мы говоримъ это по поводу той крайне ошибочной резолюціи, которая, по словамъ „Пролетарія“ (№ 49) была принята въ Петербургѣ передъ послѣдними выборами Исполнительной Комиссіей, и которая, приблизительно, гласила: подчиняясь партиі, мы въ выборахъ участвуемъ, но считая думскую работу вещь второстепенной, особенно тратить энергію на это дѣло не намѣрены. Съ такими резолюціями не приступаютъ къ партиіному дѣлу, хотя бы самому второстепенному. Но надо прибавить, что тѣ три товарища, которые — очевидно, въ силу нѣкоторой политической неопытности, — приняли эту резолюцію, сами, по словамъ того же „Пролетарія“, поняли свою ошибку, и отъ резолюціи отказались. Ясное дѣло, что „ультиматизмъ“ самъ по себѣ въ этой ошибкѣ не при чемъ, напротивъ, она есть уклоненіе именно отъ его точки зрѣнія — строгой дисциплины и единства дѣйствія.

Это, однако, не помѣшало редакціи „Пролет.“ воспользоваться даннымъ фактомъ опять-таки для затемненія дѣла. Она говоритъ: вотъ видите, куда ведетъ ультиматизмъ, — когда надо идти на выборы, эти люди заявляютъ, что особенно стараться не стоитъ, такъ какъ Дума дѣло второстепенное. Пріемъ, примѣненный здѣсь редакціей, уже не ошибка, а нѣчто иное. Пользуясь тѣмъ, что неопытные люди въ моментъ дѣйствія занялись критикой и оцѣнкой партиіной тактики, редакція требуетъ, чтобы товарищи вообще отказались отъ этой критики и оцѣнки. Но догмата о непогрѣшимости разъ принятыхъ партией рѣшеній наши товарищи, мы надѣемся, не усвоятъ. Такой догматъ хуже всякаго „богостроительства“, дѣйствительнаго или мнимаго.

Именно теперь, когда выборы въ Петербургѣ закончились, можно и слѣдуетъ опять подводить итоги, оцѣнивать, разбирать сдѣланное. И намъ кажется, что теперь опять время сказать: думская работа не можетъ и не должна играть центральной роли въ партиіной жизни; объ этомъ свидѣлствуютъ и результаты выборовъ. На лицо фактъ: за „лѣвый блокъ“ съ с.-д. кандидатомъ подано голосовъ *въ два съ половиною раза меньше*, чѣмъ на выборахъ въ ту же 3-ью Думу въ 1907 г. (тамъ было около 11.000 голосовъ, здѣсь — 4.600); а относительное число „лѣвыхъ“ голосовъ убавилось на четверть (19,2% вмѣсто 24,8%). Значитъ ли это, что „лѣвый“ избиратель удовлетворенъ современнымъ положеніемъ? Конечно, нѣтъ. Но онъ не можетъ проникнуться энтузіазмомъ къ третье-думской работѣ; эта работа, послѣ двухъ лѣтъ, не стала все-таки центромъ общественнаго вниманія для „лѣвыхъ“ избирателей, и въ томъ числѣ для с.-д.-овъ. Партиі слѣдуетъ вести думское дѣло, разъ она его начала и вела до сихъ поръ; — но слѣдуетъ также опредѣлить разумно и точно его мѣсто и значеніе среди партиіныхъ задачъ. Если это „ультиматизмъ“, то мудренно не быть „ультиматистомъ“.

Бакинскій Комитетъ вынесъ по поводу большевистскихъ дѣлъ резолюцію, которую во многомъ слѣдуетъ привѣтствовать: она проникнута духомъ партиіности, направлена противъ раскола, требуетъ рѣшенія вопроса конференціей. Но посмотрите, что тамъ написано объ „ультиматизмѣ“:

„Ультиматизмъ, какъ постоянное напоминаніе думской фракціи о партиіной дисциплинѣ, — не составляетъ никакого теченія во фракціи б-ковъ“... Т. е. „ультиматизмъ“ въ этомъ случаѣ неизбеженъ для дѣйствительныхъ большевиковъ. Мысль вполне вѣрная. Но дальше:

„Поскольку же онъ старается занять положеніе особаго теченія, *ограничивающагося* демонстраціей правъ Ц. К. по отношенію къ думской фракціи, онъ есть худшій видъ отзовизма“.

Но вѣдь дѣло то именно въ томъ, что „старается“ сдѣлать его такимъ особымъ теченіемъ только редакція „Пролет.“, а онъ на это какъ разъ и не согласенъ!

Затѣмъ, Бак. Ком., протестуя противъ поведенія редакціи, „равно протестуетъ противъ поведенія т. Максимова, заявившаго о неподчиненіи рѣшеніямъ редакціи“... Гдѣ же, однако, вычитали товарищи бакинцы о неподчиненіи Максимова „рѣшеніямъ“? Онъ заявилъ, что не подчинится одному, опредѣленному *рѣшенію* — о расколѣ фракціи. Но этого рѣшенія не хотятъ признавать и сами товарищи бакинцы! Противъ чего же они протестуютъ?

Да, несомнѣнно, что редакція „Пролетарія“ до нѣкоторой степени удастся такъ затемнить дѣло... Но мы думаемъ, что это не надолго.

4. ВОПРОСЫ БЕЗСПОРНЫЕ. ПРОПАГАНДА.

Первый изъ нихъ — это вопросъ о расширеніи и углубленіи социалистической пропаганды.

Еще во время первой революціонной волны мѣстныя организаціи много разъ обращались къ партиінымъ центрамъ съ указаніями на необходимость выработать основы для новой, болѣе глубокой чѣмъ прежде, постановки социалистической пропаганды. Централно-областной районъ особенно настаивалъ на этомъ, констатируя, что на дѣлѣ пропаганда имѣла на девять десятыхъ демократически-революціонный, а не социалистическій характеръ.

Ходъ революціи съ очевидностью показалъ, насколько необходимо для успѣха пролетарской борьбы образованіе среди рабочей массы прочнаго ядра изъ людей съ серьезнымъ и цѣльнымъ социалистическимъ воспитаніемъ, которые увѣренно и твердо могли бы примѣнять чисто-социалистическую точку зрѣнія во всѣхъ новыхъ и сложныхъ политическихъ положеніяхъ. Реакція еще подчеркнула насущность этой задачи: партиіная интеллигенція, въ существѣ своемъ большей частью лишь демократичная, вовлеченная въ партию лишь революціоннымъ возбужденіемъ, подъ гнетомъ реакціи бѣжала изъ партиі, и руководящая работа стала быстро переходить въ руки самихъ рабочихъ; потребность въ систематической и всесторонней подготовкѣ, въ цѣлостномъ, дающемъ опору для всяческой оріентировки, социальномъ мировоззрѣніи, стала еще быстрѣе прежняго ощущаться въ партиіной рабочей средѣ.

Задача эта сама по себѣ *шире* вопроса о русской революціи, объ ея вѣроятныхъ судьбахъ, и потому его рѣшеніе въ ту или другую сторону здѣсь ничего существеннаго измѣнить не можетъ. Если демократическая революція погребена въ Россіи, то намъ надо направлять работу къ иной, болѣе глубокой революціи — социалистической; и при этомъ, конечно, воспитаніе сознательныхъ рабочихъ социалистовъ должно выдвинуться на первый планъ, тѣмъ болѣе, что въ будничной экономической и мелко-политической работѣ скрыта опасность суженія кругозора, и уклоненія отъ всякаго революціоннаго идеала въ сторону компромиссовъ и поверхностнаго практицизма. Если предположить новую революціонную волну въ относительно близкомъ будущемъ, то надо спѣшно вырабатывать социалистическихъ рабочихъ вождей для массоваго движенія, чтобы направить его грандіозную силу по пути наиболѣе выгодному для дальнѣйшей борьбы за социализмъ. Въ томъ и въ другомъ случаѣ значеніе углубленной социалистической пропаганды остается одинаково огромнымъ, одинаково неотложнымъ въ партиіной работѣ.

Прямые практическіе выводы: надо создать новую пропагандистскую литературу, болѣе высокаго типа, чѣмъ существовавшая до сихъ поръ, литературу, универсально и стройно обрисовывающую научное социалистическое мировоззрѣніе въ связи съ русской дѣйствительностью; и надо выработать также болѣе высокій типъ пропаганды устной, въ формѣ, приблизительно, рабочихъ партиіныхъ университетовъ. Оспаривать все это можно было бы только съ одной точки зрѣнія: если считать, что для развивающагося рабочаго движенія въ Россіи *достаточно* той дюжины вождей-интеллигентовъ, которая уцѣлѣла среди реакціи, что *нежелательно* тратить партиіныя силы на планомѣрную подготовку руководителей для работы изъ самыхъ рабочихъ. Кто держится такого взгляда, тотъ пусть его выскажетъ открыто; до сихъ поръ никто еще не посмѣлъ сдѣлать этого.

Но на *дѣлѣ* отношеніе къ данному безспорному вопросу весьма различное. Пусть за себя говорятъ факты:

Партиіная организація, наиболѣе сильная изъ всѣхъ по своимъ матеріальнымъ и литературнымъ средствамъ, — именно, большевистскій центръ, — за *полтора съ лишнимъ года* своей заграничной работы не издала *ни одной* пропагандистской, не только книги, но хотя бы брошюрки. Когда же инициатива мѣстныхъ организацій и отдѣльныхъ товарищей привела къ созданію высшей партиіной школы для рабочихъ, — тотъ же большевистскій центръ не только не поддерживаетъ этого предпріятія, но ведетъ противъ него самую ожесточенную борьбу, организаціонную и литературную, начиная съ отказа напечатать первое обращеніе инициаторовъ къ партиі, кончая такими агитаціонными пріемами, какъ печатное сравненіе школы съ Ерогинскимъ общежитіемъ.

Предлоги для нападеній выставляются такіе, что школа эта устроена, яко-бы, отзовистами и богостроителями, которые посредствомъ нея организуютъ „новую фракцію“. Но не говоря о завѣдомой невѣрности подобныхъ утвержденій, — которая ясна для всѣхъ, знакомыхъ съ литературной и партиіной дѣятельностью лекторовъ школы и съ составомъ слушателей, — остается, вѣдь, тотъ очевидный и несомнѣнный фактъ, что, ведя борьбу противъ

данной, уже работающей школы, большевистский центр и не думаетъ взмѣнить ея или въ противѣсъ ей устраивать школу та пропагандистская задача, во имя которой создавалась школа, для большевистскаго центра совершенно чужда и безразлична, — онъ готовъ удовлетвориться простымъ разрушеніемъ школы.

Мы хотѣли бы думать, что такой образъ дѣйствій вызванъ только слѣпымъ увлеченіемъ борьбы, а не сознательнымъ стремленіемъ горсти партійныхъ интеллигентовъ оставить за собою моцней со стороны свѣжихъ силъ, выдвигающихся изъ самаго пролетаріата...

Такъ или иначе, но съ большевизмомъ данная позиція не имѣетъ ничего общаго. И не только потому, что она вообще вредна и неразумна. Нѣтъ, кромѣ того, она стоитъ въ непримиримомъ противорѣчьи съ основной идеей большевизма.

Большевизмъ не простое политическое явленіе, но *соціально-культурное*. Онъ впервые сумѣлъ и посмѣлъ поставить задачу политической гегемоніи пролетаріата надъ буржуазными классами въ буржуазно-демократической революціи, въ дѣлѣ освобожденія буржуазнаго общества. Но для тѣхъ, кто понимаетъ, какъ органически нераздѣльна политика съ другими сторонами идеологической жизни общества, выступающими на одномъ съ нею соціальномъ основаніи, было бы неестественно и странно мыслить пролетаріатъ способнымъ къ гегемоніи политической, не признавая для него возможность *гегемоніи обще-культурной*. Это — скрытая предпосылка большевизма, это идея созданія теперь же, въ рамкахъ нынѣшняго общества, великой пролетарской культуры, болѣе сильной и стройной, чѣмъ культура слабѣющихъ буржуазныхъ классовъ, неизмѣримо болѣе свободной и творческой.

Кто не понимаетъ и не признаетъ этой задачи, тотъ не большевикъ, а человекъ, мыслящій клочками и кусочками, помѣщающій въ одномъ ящикѣ своей головы политику, въ другихъ, — науку, философію, литературу... Мы же открыто провозглашаемъ эту задачу, сознавая всю ея трудность и грандіозность, но увѣренные въ томъ, что мы выражаемъ завѣтное стремленіе всего борющагося, всего революціоннаго пролетаріата.

Мы, старые большевики, беремъ старый лозунгъ: „Освобожденіе рабочихъ должно быть *дѣломъ самихъ рабочихъ*“, и говоримъ: да! освобожденіе *политическое и культурное* — въ первую очередь, для борьбы за *полное* освобожденіе, за социалистическій идеалъ!

5. ВОПРОСЫ БЕЗСПОРНЫЕ. ДОСТОИНСТВО ПАРТІИ.

Этотъ безспорный вопросъ приходится формулировать такъ: представляютъ ли изъ себя рабочіе — члены партіи — людей политически взрослыхъ и отвѣтственныхъ, которые могутъ сами судить о своихъ дѣлахъ, или — темныхъ людей, подчиняющихся руководству той интеллигентской группы, которая сумѣетъ помѣститься поближе къ нимъ? Цѣлый рядъ фактовъ и печатныхъ заявленій говоритъ о томъ, что и по такому вопросу въ высшихъ кругахъ партіи существуютъ глубокія недоразумѣнія.

Въ самомъ дѣлѣ, что можетъ острѣе и глубже интересоваться товарищей-членовъ партіи, чѣмъ сохраненіе или разрушеніе единства ихъ организаціи, партійной или идейной? По какому вопросу въ большей мѣрѣ обязательно спросить ихъ мнѣнія? И вотъ, такой вопросъ рѣшается *безъ* нихъ. Административная и литературная комиссія большевистской фракціи, выбранная два года тому назадъ для постояннаго *объединенія* большевистской работы, объявляетъ по собственнымъ соображеніямъ *расколъ* этой фракціи, пытается исключить изъ нея цѣлые значительные отѣнки, и желая безповоротно закрѣпить совершаемое преступленіе, открыто заявляетъ, что „никакія конференціи, никакіе съѣзды въ мірѣ“ не заставятъ ее измѣнить сдѣланное.*)

Но кто же тогда *хозяинъ* въ партіи, въ ея идейныхъ теченіяхъ? Какого мнѣнія эти люди о васъ, товарищи рабочіе?

Стадо барановъ пастухъ можетъ по своему произволу раздѣлить на двѣ части, чтобы погнать одну направо, другую налево... Но человѣческую, пролетарскую организацію?

И такой взглядъ проводится систематически. Проводится уже въ совершенно неприкрытой формѣ. Посмотрите сами.

Вы знаете, что 2-3 года тому назадъ, когда темные крестьяне разныхъ захолустій выбрали въ Гос. Думу почти такихъ же темныхъ, какъ они сами, депутатовъ, то черносотенцы, чтобы удержать за собою голоса этихъ мужичковъ, устроили для нихъ особое общежитіе, и тамъ держали ихъ старательно вдали отъ всѣхъ тѣхъ, кто могъ бы дать имъ знанія и разъяснить положеніе Россіи.

Вы знаете также, что нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ цѣлый рядъ партійныхъ организацій выбиралъ сознательныхъ рабочихъ представителями въ партійную школу, гдѣ лекторы социал-демократы, по сообщая съ ними выработанной программѣ, излагаютъ имъ знанія, необходимыя для того, чтобы полнѣе овладѣть партійной работою.

Теперь въ официальной партійной газетѣ „Пролетарій“, въ редакціонной статьѣ цѣлая страница занята сравненіемъ партійной школы сознательныхъ рабочихъ съ Ерогинскимъ общежитіемъ безсознательныхъ мужиковъ!

Товарищи-рабочіе! за кого васъ принимаютъ? И допустите ли вы такое официальное презрѣніе къ вашему пролетарскому и партійному достоинству?

6. ЧЕГО ОНИ ХОТЯТЪ?

Вы видите, что въ бѣшенномъ увлеченіи борьбы тутъ забываются и извращаются самыя элементарныя истины революціоннаго пролетарскаго міровоззрѣнія. Изъ-за чего же все это?

Васъ стараются увѣрить, что старый большевизмъ самъ собою распался, что изъ него выдѣлилась и обособилась новая фракція

„отзовистовъ, ультиматистовъ, богостроителей“, что этотъ расколъ дѣло рѣшенное и поконченное. Вамъ десятки и сотни разъ повторяютъ: „новая фракція“, „выдѣлилась“, „откололась“, „новый центръ“ и т. д., безъ конца. Силою упорнаго повторенія хотятъ сдѣлать такъ, чтобы для васъ ложь стала истиною.

Ибо на самомъ дѣлѣ эти утвержденія — ложь, и — намъ грустно констатировать это — завѣдомая, сознательная ложь.

Нѣсколько человекъ вашихъ представителей въ исполнительнѣйшей коллегіи — больш. центрѣ, — живущихъ за границею, пришли къ заключенію, что надо радикально измѣнить прежнюю большевистскую оцѣнку переживаемаго историческаго момента, и держать курсъ не на новую революціонную волну, а на долгій періодъ мирнаго, конституціоннаго развитія. Это сблизило ихъ съ правымъ крыломъ нашей партіи, товарищами меньшевиками, которые всегда, независимо отъ оцѣнки политическаго положенія, тяготѣли къ легальнымъ и конституціоннымъ формамъ дѣятельности, къ „органической“ работѣ и „органическому“ развитію. Но это же самое привело ихъ къ разногласіямъ съ тѣми большевиками, которые въ наблюдаемой реакціи не видѣли достаточныхъ основаній для такой перемѣны фронта.

Товарищи, повернувшіе къ меньшевикамъ, рѣшили, что они не могутъ работать со старыми большевиками. Но они знали, что расколы легко устраивать только въ заграничныхъ группахъ, предвидѣли, что мѣстные организаціи раскола не захотятъ, и рѣшили сдѣлать такъ, чтобы расколъ для мѣстныхъ организацій явился уже совершившимся и непреложнымъ фактомъ. Имѣя большинство въ исполнительномъ органѣ фракціи, они объявили расколъ изъ за-границы, и стали усиленно пропагандировать его въ официальной газетѣ. Никакой конференціи, никакого съѣзда они рѣшили не допускать, пока расколъ не укоренится настолько, что устранить его будетъ невозможно.

Но дѣлать расколъ за спиною тѣхъ, кого онъ больше всѣхъ касается, за спиною самихъ организацій, нельзя не прибѣгая къ обману. Отсюда, прежде всего, та неискренность, которую мы видѣли выше: повторяются фразы о новой революціонной волнѣ, къ которой идетъ Россія, — и намѣчается тактика, исходящая изъ новой основы. Увѣряютъ, что отъ большевизма отдѣлилась какая-то новая фракція, непостижимо опредѣляемая отношеніемъ, одновременно, къ Богу и къ 3-ей Думѣ, — и на дѣлѣ измѣняютъ даже самымъ безспорнымъ идеямъ большевизма. Сочиняютъ невѣроятные романы о происхожденіи партійной школы, извращаютъ безчисленное множество крупныхъ и мелкихъ фактовъ, и запутываясь въ этой жи и дрязгахъ, теряютъ всякую способность къ партійно-полезной работѣ. Сознаютъ, что они нарушили всякія права и превысили всякія полномочія, — и въ оправданіе стараются убѣдить себя и другихъ, что партія — стадо, нуждающееся въ рѣшительномъ пастухѣ, собраніе людей, съ которыми можно справиться такъ, какъ Ерогінъ съ темными черносотенными мужиками. Но при всемъ томъ — боятся, боятся встрѣчи съ товарищами на суверенныхъ собраніяхъ съѣздовъ или конференцій, и заранѣе кладутъ на себя заклятіе — не подчиняться никакимъ съѣздамъ и конференціямъ, если они не признаютъ устроеннаго ими раскола.

И эти люди, которые такъ судорожно мечутся, злобно ругаются и потеряли до такой степени душевное равновѣсіе, — хотятъ быть „руководителями“ партіи, быть ея хозяевами?

Полно, никогда мы съ вами этому не повѣримъ, товарищи-рабочіе.

* * *

Что же дальше?

Большевизмъ по-прежнему существуетъ. Онъ живетъ не въ заграничныхъ кружкахъ, не въ политически-больныхъ людяхъ, подавленныхъ и разбитыхъ жестокой реакціей; онъ живетъ въ стойкомъ и здоровомъ пролетарскомъ движеніи, которое организуется, а не раскалывается.

Спорные вопросы могутъ рѣшаться такъ или иначе, — большевизмъ остается безспорнымъ, ибо онъ есть самое высокое, самое революціонное пониманіе пролетарскихъ задачъ и пролетарскаго идеала. Кто не можетъ понять этого, тотъ пусть не произноситъ великаго слова, кровью рабочихъ вписаннаго въ страницы нашей исторіи, — тотъ пусть уйдетъ съ дороги.

Товарищи, намъ предстоитъ грандіозное дѣло, политическое, культурное, соціальное. Было бы позоромъ для насъ, если бы отжившіе, побѣжденные невзгодой вожди помѣшали намъ его исполнить. Но это невозможное, нелѣпое предположеніе.

Мы пойдемъ по своему пути, согласно старому лозунгу — „съ вождями, если они этого хотятъ, безъ нихъ — если не хотятъ, противъ нихъ — если будутъ противодействовать“. Дѣло наше есть дѣло коллектива, а не отдѣльныхъ личностей.

Общими силами, мы выполнимъ его.

Н. Максимовъ.

Къ исторіи партійной школы.

Въ приложеніи къ № 47-48 „Пролет.“ тов. Инокентіевъ, опровергая какихъ-то „ораторовъ“, говорившихъ на какомъ-то собраніи Парижской группы, и загадочнымъ образомъ припутывая мое имя, тогда какъ я означенныхъ ораторовъ не слышалъ и не знаю, что и почему онъ говорили, сообщаетъ слѣдующія свѣдѣнія, требующія, говоря его словами, „гласнаго разъясненія“.

„Организаторы «партійной школы въ NN» никогда не предлагали редакціи „Пролет.“ взять дѣло въ свои руки. Не было речи ни объ участіи редакціи, ни о контролѣ съ ея стороны, ни даже просто увѣдомленія о томъ, что школа въ NN проэктируется или организуется. Съ самаго начала N-скій кружокъ дѣйствовалъ помимо редакціи, скрытно отъ нея и противъ нея...“

Чтобы оцѣнить искренность этого „опроверженія“, достаточно сопоставить подчеркнутыя мною въ немъ мѣста со слѣдующимъ мѣстомъ изъ редакціонной статьи въ томъ же самомъ приложеніи къ № 47-48 (стр. 6).

*) „Прол.“, 47—48, Прилож., стр. 8.

Въ редакции „Пролет.“ были двѣ бумажки объ этой школѣ... Первая бумажка была вовсе не подписана, абсолютно никѣмъ не подписана, — просто разсужденіе о пользѣ просвѣщенія и о просвѣтительномъ значеніи учреждений, называемыхъ школами. Вторая бумажка была подписана подставными лицами...

Какъ видите, одно и то же Освѣдомительное Бюро выпустило два опроверженія, взаимно опровергающихъ другъ друга, и такимъ образомъ опровергло слишкомъ много... О тов. Инокентьевѣ послѣ этого говорить больше нѣтъ надобности. Что же касается заявленія, печатнаго и анонимнаго, о „подставныхъ лицахъ“, то я, при всемъ моемъ отвращеніи къ рѣзкимъ дѣйствіямъ, вынужденъ печатно, но не анонимно назвать означенное заявленіе *ложью и клеветой*...

Затѣмъ для устраненія дальнѣйшихъ фактовъ въ томъ же стилѣ, считаю необходимымъ сообщить слѣдующія документально установленныя данныя относительно исторіи основанія Н-ской партійной школы.

1. Въ сентябрѣ 1908 года, тов. Алексинскій и другіе члены Желевской группы представила въ ред. „Пролет.“ уже болѣе или менѣе выработанный проектъ такой школы; — *для начала*, въ ея слушатели предполагалось взять заграничныхъ рабочихъ, обязывающихся потомъ ѣхать въ Россію на работу, но притомъ такихъ, *за которыхъ ручались бы мѣстные организаціи*. Авторы плана просили у редакціи матеріальной поддержки и идейнаго руководства. Ни того, ни другого они не получили. Дѣло было все же начато, въ минимальныхъ размѣрахъ, но быстро заглохло.

2. Затѣмъ, когда, ознакомившись *черезъ меня* съ этимъ проектомъ, т. Горькій и т. Михайлъ рѣшили употребить всѣ усилія для его выполненія, то составленное т. Михайломъ обращеніе къ организаціямъ по поводу школы было мною, въ февралѣ 1909 г., передано черезъ т. Марата въ ред. „Пролетарія“ *съ сообщеніемъ имени автора* и съ просьбою о напечатаніи. Редакція обращенія не напечатала; но также и не возвращала его автору, когда онъ, узнавъ объ ея неблагоприятномъ отношеніи къ проекту, сталъ черезъ меня требовать рукописи обратно. Послѣ многократныхъ требованій, рукопись удалось черезъ т. Марата выручить лишь 6-го апрѣля. Но раньше, чѣмъ отдать рукопись, редакція сняла съ нея копію, какъ было выяснено на засѣданіи редакціи въ половинѣ мая.

Обращеніе т. Михаила оканчивалось такъ: „За границею имѣются теоретики партій, хорошо оборудованныя бібліотеки, издаются партійные органы — на лицо какъ разъ всѣ условія для созданія школы. 3—4 мѣсяца занятій рабочаго съ опытными руководителями сразу дадутъ партіи хорошаго работника, способнаго поставить дѣло на ноги. Непременнымъ условіемъ правильной постановки школы должно быть слѣдующее положеніе: *только организаціямъ принадлежитъ право посылать рабочихъ въ такую школу*. Этому условію мы придаемъ очень серьезное значеніе, какъ одинаково обязывающему къ продуктивнымъ занятіямъ учителей и учениковъ. Строгая отчетность передъ рабочими въ своихъ дѣлахъ — вотъ гарантія безошибочности.

Въ заключеніе, мы просимъ товарищей сейчасъ же отвѣтить на слѣдующіе вопросы:

„1) Какія требованія къ такой школѣ ставить организація, т. е. какого характера работниковъ она желала бы видѣть выпущенными изъ этой школы. агитатора, организатора, пропагандиста, работника по профессиональному или аграрному движенію?

„2) Есть ли у нея на примѣтѣ товарищи-рабочіе, которыхъ она сможетъ послать въ партійную школу?

„Желательно, чтобы организація резолютивно закрѣпила свое отношеніе къ проекту организаціи партійной школы и копію прислали намъ“.

Эту „бумажку“ „Пролетарій“ называетъ „разсужденіемъ о пользѣ просвѣщенія“. Не всякое Освѣдомительное Бюро такъ точно и такъ... остроумно.

Во всякомъ случаѣ, благодаря образу дѣйствій редакціи „Пролетарія“ выполненіе самаго дѣла *замедлилось на полтора мѣсяца*. Попытка вести его *черезъ редакцію* не удалась. Что оставалось инициаторамъ? Только одно: вести его инымъ путемъ — непосредственно обратившись въ мѣстныя организаціи. За подписью тт. Горькаго и Михаила было послано въ Россію новое обращеніе. Центр. Областное Бюро утвердило школу, за нимъ рядъ районовъ Москвы и другихъ организацій.

Тогда опять выступила редакція „Пролетарія“, и повела энергичную агитацію противъ начатаго дѣла, не предлагая ничего взамѣнъ... Въ своей резолюціи — письмѣ къ Московскому Комитету она пишетъ объ „очевидной“, исключительно-тѣсной связи проектируемой школы съ элементами, проповѣдующими богостроительство и поддерживающими такую проповѣдь“, ни словомъ не поясняя, откуда она взяла это, — и заранее „признаетъ долгомъ своимъ заявить, что ни за большевистскій, ни за марксистскій вообще характеръ школы она не ручается“.

По поводу этого заявленія послѣдовалъ протестъ въ редакцію со стороны т. Михаила, какъ одного изъ инициаторовъ школы, а также мой протестъ. Редакція борьбу продолжала и продолжаетъ до сихъ поръ, когда школа уже работаетъ, и изъ рукъ инициаторовъ перешла въ руки Совѣта — соединенной коллегіи выбранныхъ организаціями слушателей и утвержденныхъ ими лекторовъ.

Ясно, что обращаться въ ред. „Пролетарія“ за „утвержденіемъ“, когда она заранее заявила о своемъ „неручательствѣ“, инициаторы школы не могли, — это было бы нелѣпостью. Переговоры вообще стали возможны только для новаго состава школьной организаціи, для ея Совѣта. Однако и тутъ ничего не получалось, кромѣ „бумажекъ“, болѣе или менѣе грозныхъ, но совершенно не дѣловыхъ.

Редакція „Пролетарія“, которая съ самаго начала замедлила осуществленіе школы, теперь старается ее дискредитировать съ одной стороны; запугать или дезорганизовать — съ другой. Нечего сказать, положительная работа! Въ этомъ дѣлѣ они теперь

могутъ поздравить себя — и дѣйствительно поздравляютъ — съ нѣкоторымъ успѣхомъ. Ихъ благородныя усилія внесли — таки разладъ во внутреннюю жизнь школы. Нѣсколько слушателей унизились до того, что стали писать въ редакцію „Пролетарія“ письма, представляющія наивную копію его статей о школѣ, и порвали со школою.

Редакція „Пролетарія“ сдѣлала изъ этихъ писемъ такіе выводы, которые нельзя назвать иначе, какъ грязными: о систематическомъ обманѣ партіи со стороны лекторовъ, о „нашептываніяхъ“ на ухо слушателямъ, о прикрываніи мелко-фракціонной агитаціи именемъ лекцій и т. п. Сами авторы писемъ не могли равнодушно отнестись къ той массѣ грязи, которую вылила на школу по случаю ихъ писемъ редакція, и въ послѣднемъ своемъ заявленіи въ школу говорятъ:

„Отвѣтственности за выводы редакціи „Пролетарія“ изъ нашихъ писемъ мы на себя взять не можемъ. Мы отвѣчаемъ передъ партіей только за свои сообщенія, не больше. А во всѣхъ своихъ сообщеніяхъ мы *никогда* не заявляли организаціямъ, а также Б. Ц., о фракціонномъ направленіи лекцій. Наоборотъ, мы признавали и признаемъ полезными и необходимыми для насъ всѣ знанія, которыя получаютъ изъ лекцій лекторовъ школы“.

Это заявляютъ всѣ пять корреспондентовъ „Пролетарія“, притомъ вовсе не отказываясь отъ своей позиціи по существу. А въ чемъ заключается ихъ позиція?

Номеръ за номеромъ слушатели читали невѣроятныя выходки „Пролетарія“ по адресу школы и лекторовъ. Нѣтъ ничего страннаго, что они пожелали въ свободное время выслушать другую сторону, и пошли на чтеніе моей статьи, здѣсь напечатанной, „Не надо затемнять!“ По прочтеніи статьи, нѣкоторые изъ слушателей заявили, что, по ихъ мнѣнію, индивидуальная полемика вещь вообще не главная и недостаточная, и предложили заняться болѣе положительнымъ дѣломъ — выработкою систематической идейной платформы, разумѣется, только частнымъ образомъ, и только желающимъ. „Мы должны это сдѣлать не какъ слушатели школы, а какъ члены партіи, какъ практическіе работники“, говорили они. Никакихъ протестовъ тогда не послѣдовало, — да и противъ чего протестовать? Развѣ каждый членъ партіи не въ правѣ, за предѣлами партійныхъ порученій, располагать своимъ временемъ? И развѣ любая группа членовъ партіи не въ правѣ выработывать и представлять на судъ партіи любую идейную платформу? Мы же могли только привѣтствовать такую исключительно благоприятную комбинацію для разработки большевистскихъ идей, когда на этой цѣли нѣсколько теоретиковъ объединяются съ нѣсколькими практиками изъ числа наиболѣе выдающихся, избранныхъ организаціями рабочихъ. Дѣло началось и ведется.

Но вотъ пять товарищей, не принявшихъ участія въ выработкѣ платформы, приходятъ къ мысли, что это — дѣло незаконное, что это — возстаніе противъ законнаго идейнаго центра большевиковъ, Б. Ц., что на это организаціи слушателей не уполномочивали, и что они, пять слушателей, не могутъ спокойно заниматься, если другіе слушатели въ свободное время ведутъ столь преступную работу. Они ставятъ утѣтислатумъ этимъ другимъ слушателямъ о прекращеніи выработки платформы, угрожая въ противномъ случаѣ жаловаться „Пролетарію“ и мѣстнымъ организаціямъ.

„Пролетарій“, въ награду за такое поведеніе, объявилъ всѣхъ этихъ товарищей „наиболѣе передовыми и сознательными рабочими“ изъ состава школы. Я думаю, что ступень ихъ партійнаго сознанія достаточно характеризуется самой ихъ точкой зрѣнія, ихъ представленіемъ о правахъ членовъ партіи, ихъ отношеніемъ къ дѣлу и товарищамъ. Кромѣ одного — инициатора всей исторіи, пріѣхавшаго въ школу, повидимому, со вполне опредѣленными планами и намѣреніями, — это именно тѣ товарищи, которымъ пребываніе въ школѣ могло принести меньше пользы, чѣмъ другимъ, для которыхъ усвоеніе курсовъ, благодаря малой подготовкѣ, было гораздо труднѣе, чѣмъ для другихъ. Въ этомъ виноваты, конечно, не они сами, а организаціи, которыя ихъ послали, не принявъ въ расчетъ характера школы, предназначавшейся, вообще, лишь для наиболѣе развитыхъ и сознательныхъ рабочихъ. Пусть ихъ организаціи, по крайней мѣрѣ, на будущее примутъ это во вниманіе, и не возлагаютъ на плечи товарищей непосильныхъ задачъ, ибо не могутъ съ одинаковой пользой для дѣла работать въ школѣ развитой рабочій, десять лѣтъ связанный съ партіей, и, на примѣръ, юноша 19 лѣтъ — одинъ изъ пяти товарищей.

Я никогда не позволилъ бы себѣ печатно касаться вопроса о степени развитія и сознательности тѣхъ или иныхъ товарищей рабочихъ, если бы меня не вынудила къ тому редакція „Пролетарія“, ставшая на эту почву, притомъ безусловно пристрастно и несправедливо.

Какъ ни печаленъ фактъ самъ по себѣ, но объективно отъ устраненія пяти товарищей дѣло потеряетъ не такъ много: большинство осталось, болѣе однородный уровень слушателей сдѣлаетъ работу еще производительнѣе, чѣмъ она была въ предыдущіе три мѣсяца. Организаціи учтутъ результаты этой работы — и „работы“ редакціи. Въ недостойномъ восторгѣ, она озаглавила свое послѣднее выступленіе противъ школы — „Позорный провалъ“. Провала тутъ вообще нѣтъ и, конечно, не будетъ. А если есть во всей этой исторіи нѣчто *позорное*, то именно — бѣшено злобное отношеніе официально-партійной организаціи къ такому партійно-необходимому дѣлу, какъ школа. Они не хотятъ сами его дѣлать, не хотятъ даже его исправлять, улучшать, — они хотятъ только его уничтожить... Того же хотятъ, конечно, прямыя враги партіи. Мы убѣждены, что ни тѣмъ, ни другимъ это не удастся. А „позоръ“ упадетъ на головы тѣхъ, кто его заслужилъ.

Н. Максимовъ.

Нѣсколько словъ о моемъ „богостроительствѣ“

Уже довольно давно газетой „Пролетарій“ начата лично противъ меня и нѣкоторыхъ согласно со мною мыслящихъ членовъ нашей партіи послѣдовательная компанія на почвѣ нашихъ философскихъ убѣждений. При этомъ „Пролетарій“ не постѣснялся исказить мои мысли, и, какъ оказывается, ему удалось ввести нѣкоторыя серьезные партійныя организации въ заблужденіе, такъ что и онѣ считаютъ своимъ социалдемократическимъ долгомъ выразить рѣшительный протестъ противъ „заигрываній“ нѣкихъ „богостроителей“ съ „религиознымъ элементомъ“. Я считаю по-этому необходимымъ разъяснить накопившіяся недоразумѣнія.

Политическая сторона вопроса.

До недавняго времени я состоялъ сотрудникомъ „Пролетарія“, и, какъ таковому, мнѣ было извѣстно постановленіе его редакціи совершенно не касаться на его страницахъ философскихъ темъ. Между тѣмъ мнѣ стало извѣстно также, что мои воззрѣнія на исторію религіи и ея сущность и на взаимоотношеніе религиозныхъ запросовъ и чувствъ, съ одной стороны, и научно-социалистическаго міровоззрѣнія, съ другой, — были дурно поняты нѣкоторыми молодыми членами партіи, со стороны которыхъ послѣдовали по этому поводу довольно странныя выступленія. Зная, что за эти выступленія дѣлають ответственными отчасти меня, — я, весной 1908 года, согласившись на предложенную мнѣ *официально редакціей „Пролетарія“* поѣздку по Европейскимъ колоніямъ съ рефератами, заявилъ, что буду всюду читать на тему: „Религія и Соціализмъ“. Я тогда же послалъ редакціи подробный конспектъ моихъ рефератовъ. Со стороны редакціи никакимъ препятствіемъ не оказалась, *на* указанную тему мною были прочитаны рефераты въ Бернѣ, Цюрихѣ, Лозаннѣ, Парижѣ, Льежѣ и Брюсселѣ. Всюду рефераты по порученію редакціи „Пролетарія“ устраивали мѣстные *богостроительскія* группы.

Когда я возвращался съ моей поѣздки — мнѣ заявили, что въ отсутствіи моемъ одинъ изъ членовъ редакціи „Пролетарія“ выступилъ на какомъ то рефератѣ съ нападками на мои статьи, причѣмъ возмущилъ своимъ нетоварищескимъ тономъ всѣхъ Женевскихъ большевиковъ настолько, что мѣстная группа выразила ему *официально*, какъ своему члену, порицаніе.

Я выступилъ съ рефератомъ, поясняющимъ мою точку зрѣнія, и въ Женевѣ, но ни одинъ изъ нынѣшнихъ членовъ редакціи *открыто и въ моемъ присутствіи* противъ меня не выступилъ. Выступилъ — правда, съ чисто товарищеской критикой — одинъ Максимовъ.

Женевская группа, не удовлетворившись рефератомъ, пригласила меня для товарищеской дискуссіи, — въ результатѣ которой постановила, что можно соглашаться или нѣтъ съ моими теоріями, но что ничего партійно-предосудительнаго въ нихъ нѣтъ.

Женевская группа постановила, кромѣ того, просить редакцію „Пролетарія“, во избѣжаніе дальнѣйшихъ недоразумѣній, дать мѣсто моему объяснительному письму, которое положило бы конецъ всѣмъ кривотолкамъ.

Но редакція „Пролетарія“ наотрѣзъ отказала, какъ мнѣ, такъ и группѣ, въ удовлетвореніи этой просьбы, сославшись на постановленіе, воспреещающее философскую полемику на страницахъ газеты.

Между тѣмъ разгорѣлась борьба политическихъ отѣнковъ большевизма по вопросу о Думѣ: началось исканіе и награжденіе поводовъ для раскола. Тутъ снова вспомнили о „богостроительствѣ“. Моя терминологія показалась достаточно удобной для того, чтобы поднять шумъ объ измѣнѣ пролетарскому атеизму, о заигрываніи съ редигозно-мыслящими элементами общества и т. д.

Въ 42 номерѣ „Пролетарія“, безъ всякаго товарищескаго предупрежденія мнѣ, хотя бы какъ *официальному* въ то время еще сотруднику, появилась раздраженная статья, озаглавленная раскольничьи: „Не по дорогѣ“.

Статья на девять-десятьхъ полна философской полемикой, остальное посвящено самой грубой и ни для кого не убѣдительною попыткѣ представить философское, притомъ главнымъ образомъ относящееся къ употребленію терминовъ разногласіе, вопросомъ *политическимъ*.

Дальнѣйшая исторія этой статьи и ея послѣдствій рассказана ниже тов. Максимовымъ, который былъ въ то время членомъ редакціи.

Я констатирую, что ни малѣйшей попытки со стороны редакціи столковаться по этому вопросу, ограничить его законной дискуссіей — сдѣлано не было, несмотря на всѣ предложенія съ моей стороны. Редакціи нужно было нѣчто, опорачивающее противниковъ, и рѣшено было использовать для этого мои статьи, искаживъ ихъ содержаніе, перетолковавъ ихъ терминологию, огрубивъ до неузнаваемости мою точку зрѣнія.

Здѣсь нѣтъ мѣста для полемики, и я ограничусь короткимъ и резюмирующимъ разъясненіемъ подлинныхъ моихъ взглядовъ.

Терминъ „богостроительства“.

Мнѣ никогда не приходило въ голову окрестить воззрѣнія, высказанныя въ моихъ статьяхъ и книгѣ — „богостроительствомъ“. Терминъ этотъ, если употреблялся, то исключительно въ переносномъ смыслѣ. Подъ богостроительствомъ (теургіей), въ мистической и метафизической литературѣ понимается слѣдующій ходъ мысли: во вселенной нѣтъ бога, но сама вселенная представляетъ собою непрерывный процессъ, ведущій отъ абсолютнаго несовершенства — хаоса, къ абсолютному совершенству — богу. Человѣческая исторія есть одинъ изъ моментовъ этого процесса. Люди — часть строящагося бога, и, поскольку они сознательно стремятся содѣйствовать совершенству вселенной, — богостроители. Взявъ изъ рукъ мистиковъ и метафизиковъ ихъ терминъ, я говорю: „Если въ наше время существуютъ богостроители, т. е. люди, сознательно стремящіеся къ торжеству разума надъ стихіями, то это, конечно, никто иной, какъ социалисты!“

Базаровъ не примыкающій вообще въ этомъ вопросѣ ко мнѣ и отвергающій всякую религиозную терминологию, въ своей критикѣ противопоставилъ „богостроительство“, какъ ученіе прогресса и вѣры въ силу человѣческую, — мѣщанскому трусливому и не разборчивому богоскательству, жаждущему найти во вселенной божество, которое бы удовлетворило мѣщанской потребности въ гарантированномъ счастьи и личномъ безсмертіи.

Я протестую противъ клички богостроителя, потому что мои идеи глубоко отличаются отъ богостроительства въ слѣдующихъ отношеніяхъ: 1) богостроители вѣрятъ въ *абсолютный хаосъ*, какъ начало вселенной, въ *абсолютнаго бога*, какъ цѣль ея. Я отнюдь не раздѣляю этихъ метафизическихъ положеній и считаю вселенную за безконечный и безначальный процессъ. 2) Богостроительство предполагаетъ присущимъ природѣ нѣкій *внутренній* благодѣйный законъ, гарантирующий постоянное совершенствованіе. Это опять метафизическая гипотеза. Глубокіе регрессы и „круговое“ развитіе несомнѣнно присущи также природѣ. Разумное человечество отнюдь не имѣетъ передъ собою заранее гарантированной побѣды: разумъ, сознаніе, представителемъ которыхъ является человекъ, стоятъ передъ лицомъ трагической борьбы съ исходомъ отнюдь не безнадѣжнымъ, но все же сомнительнымъ. Такимъ образомъ я — не богостроитель.

Терминъ религія.

Я рѣшительно выставилъ въ нѣкоторыхъ моихъ статьяхъ и въ книгѣ „Религія и Соціализмъ“ (второй томъ которой, совершенно необходимый для полнаго пониманія моихъ взглядовъ, только еще печатается), такое положеніе: научный социализмъ съ нѣкоторой точки зрѣнія можетъ разсматриваться, какъ наивысшая форма религіи, *устраняющая* всѣ предшествовавшія формы. Для того, чтобы выставить это положеніе, у меня были извѣстныя логическія и историческія основанія.

Основанія логическія. Нельзя думать, что религія представляетъ собою только то или иное истолкованіе міра при помощи идей „бога“, „души“ и т. под.: въ этомъ случаѣ мы имѣли бы передъ собою лишь философскую гипотезу. Она становится религіей, поскольку удовлетворяетъ не познавательнымъ только, а практическимъ потребностямъ людей. Практическая потребность, удовлетворяемая мѣрами, догматами, вѣрою въ магизмъ, т. е. въ молитвы, заклинанія и обряды, — есть потребность въ счастьи. Человѣческой организмъ по самому существу своему требуетъ для нормальнаго развитія и довольства опредѣленныхъ внѣшнихъ условий, которыя вовсе не обязательно даются ему средою, и которыя безпрестанно нарушаются. Старая религія пытается истолковать наличность зла, — голода, болѣзни, смерти и т. п. — утѣшительнымъ для человѣка образомъ, въ нихъ человекъ черпаетъ увѣренность въ возможности воздѣйствовать на природу въ своихъ цѣляхъ, притомъ помимо слишкомъ слабаго еще въ тѣ времена воздѣйствія техническаго. Вѣра въ иной міръ и загробную жизнь дѣлаетъ широко возможнымъ утѣшительный религиозный самообманъ. Но если наука абсолютно отвергаетъ всѣ роды религиознаго самообмана, она не можетъ отрицать наличности и неискоренимости потребности человека въ счастьи и факта бросающагося въ глаза — несоотвѣстнаго тенденціи жизни и законовъ среды, т. е. стихій. Сама по себѣ наука, естественное знаніе, не можетъ дать прямого отвѣта на возникшій такимъ образомъ коренной жизненный вопросъ. Но его рѣшаетъ исчерпывающее научный социализмъ. *Миръ и догматы* онъ замѣняетъ точной наукой, не только въ смыслѣ знанія природы, но и въ смыслѣ яснаго пониманія законовъ развитія общества, *магизмъ* же онъ замѣняетъ *техникой труда*. Познаніе и трудъ — вотъ два ключа, которые даютъ представителю разума, человеку, силы привести въ гармонію потребности жизни и законы природы, подчинивъ послѣдніе первымъ. Этого было бы еще недостаточно для признанія социализма религіей, хотя этимъ было бы доказано, что онъ отвѣчаетъ на тѣ же вопросы и удовлетворяетъ тѣмъ же потребностямъ. Но въ религію всегда входитъ, кромѣ того, разрѣшеніе вопроса о *смыслѣ личной жизни* и о *связи* человека съ *мировымъ цѣлымъ*: всѣ сколько-нибудь развитыя религиозныя системы строятъ законченное представленіе о вселенной и отводятъ личности опредѣленную, подчиненную, роль. То же дѣлаетъ и научный социализмъ. Въ статьѣ: „Мальтусъ и Рикардо“ Марксъ прямо заявляетъ, что смысломъ исторіи является всестороннее развитіе силъ человечества, и что только та личность можетъ жить полною жизнью, которая сознательно содѣйствуетъ этой цѣли, ставя человечество выше индивида. Но для этого необходимо очевидно развитое *чувство любви* къ виду, историческое чувство, началомъ котораго является *классовое чувство*.

Итакъ, если мы условимся называть религіей только формы рѣшенія коренного и общаго вопроса о мѣстѣ человека и личности въ природѣ въ духѣ утѣшительнаго самообмана, въ духѣ анимизма, мистики, — *тогда конечно научный социализмъ не религія*. Но если принять во вниманіе, что онъ является самымъ полнымъ, самымъ удовлетворительнымъ и реальнымъ отвѣтомъ на тѣ же вопросы, какіе ставило себѣ человечество въ своемъ религиозномъ мышленіи, — *тогда онъ — наивысшая форма религіи*. Онъ относится къ старымъ религіямъ, какъ аэропланъ — къ ковру самолету, какъ современное разложеніе химическихъ элементовъ — къ искаженіямъ старой алхиміи. Здѣсь мы встречаемся съ самой настоящей диалектикой. Религія ли социализмъ? Нельзя просто отвѣчать: да или нѣтъ, а прочее отъ лукаваго. И да и нѣтъ, смотря по предпосылкамъ. Вотъ почему Дицгенъ въ своей брошюрѣ „Религія и Соціализмъ“ и утверждаетъ и отрицаетъ, что социализмъ есть религія. Но разъ объективно выяснено существо дѣла, вопросъ остается только объ употребленіи терминовъ; и онъ долженъ рѣшаться практическими соображеніями. Основанія историческія. И Марксъ и Энгельсъ неоднократно и настоятельно указывали на то, что ученіе ихъ стоитъ въ прямой связи съ философіей великихъ германскихъ идеалистовъ. Въ самомъ дѣлѣ — душой этой филосо-

фия является идея прогресса въ смыслъ постепенной побѣды разума надъ стихійностью и роста гармоніи, сознательности и свободы. Эта формула безъ измѣненій примѣнима и къ историческому материализму. Различіе только то, что у идеалистовъ представление о прогрессѣ давалось блѣдное, отвлеченное, и въ основу его полагалось стремленіе духа; у Маркса же картина прогресса яркая, конкретная, *трудовая*. Но классическій идеализмъ представляетъ собою высокую форму религіозной философіи, тѣсно связанную съ предыдущими формами религіознаго мышленія. Мы имѣемъ въ ходѣ развитія человѣческаго міропониманія и мірочувствованія діалектическіе переходы количественныхъ измѣненій въ качественныя, но все же это *одинъ* процессъ; и опять таки вопросомъ простаго выбора терминовъ является, обозначимъ ли мы всѣ стадии этого процесса словомъ „религія“, или *выделимъ* нѣкоторыя и дадимъ имъ *особое* названіе.

Почему я отказываюсь отъ этой терминологіи.

Сдѣланныя мнѣ философскія возраженія относительно моей терминологіи меня не убедили. Я считаю, что, оговоривъ нѣсколько разъ самымъ рѣшительнымъ образомъ: социализмъ есть *особаго* рода религія — безъ бога, потусторонняго міра, не содержащая въ себѣ вообще ни грана мистики и метафизики! — я обезопасилъ себя отъ всякаго нелѣпаго смѣшенія социализма — какъ религіи съ другими, отжившими или отживающими формами мышленія и чувствованія. Но я хотѣлъ подчеркнуть часто забываемую и вообще, какъ бы затертую у насъ сторону пролетарскаго міросозерцанія, сторону, обращенную къ чувству, высочайшей и послѣдовательнейшей идеализмъ новаго класса, который всѣ продолжаютъ, вѣдь, называть идеализмомъ, хотя въ немъ и нѣтъ ничего общаго съ послѣдними идеализма философскаго, дуалистическаго.

Если я тѣмъ не менѣе считаю необходимымъ категорически отказаться отъ термина „религія“ въ примѣненіи къ социализму, то изъ соображеній характера чисто практическаго. Терминологія есть техника познанія, и всякій терминъ можетъ цѣлнться лишь какъ хорошее или плохое орудіе для развитія мысли. Оказалось во первыхъ, что политическіе противники въ предѣлахъ нашей партіи, не боясь упрековъ въ недобросовѣстности и завѣдомомъ искаженіи, придравшись къ „двусмысленнымъ“ словамъ, сдѣлали все отъ нихъ зависящее, чтобы навязать мнѣ въ глазахъ пролетаріата ненавистныя мнѣ философски-реакціонныя идеи.

Во-вторыхъ оказалось, что въ партіи имѣется достаточное количество людей, которые пошли на эту удочку: частью потому, что *повѣрили* своимъ идеологамъ, не давая себѣ труда *проверить* ихъ; частью потому, что не смогли разобраться въ относительно тонкомъ и чуждомъ привычкамъ ихъ мысли вопросѣ; частью потому, что, не имѣя времени заниматься философскими вопросами и заваленные тяжелой практической работой, нѣкоторые члены партіи вообще подозрительно относятся ко всякому „новаторству“ теоретиковъ, и подозрительность эта въ данномъ случаѣ усугублялась несприятной терминологіей.

Оказалось, наконецъ, что мѣщанскіе богоискатели, трусливую и лживую религіозность которыхъ я всегда клеймилъ, съ поразительнымъ цинизмомъ или тупоуміемъ постарались усмотрѣть въ моей терминологіи шагъ по направленію къ нимъ.

Во всякомъ случаѣ терминологія моя создала вокругъ моихъ идей столь густую атмосферу лжи, вольныхъ и невольныхъ недоразумѣній, въ такой степени затруднила истинное пониманіе ихъ, что невыгоды ея, по сравненію съ выгодами, сдѣлались совершенно явными и для меня самого.

Но какъ бы то ни было, ни о какой *ереси*, ни о какомъ *противопоставленіи* моихъ мыслей — революціонному марксизму серьезно не можетъ быть и рѣчи.

Я долженъ указать на то, что Плехановъ, на примѣръ, послѣ цѣлаго ряда публичныхъ извращеній моей идеи, послѣ криковъ о моемъ поворотѣ къ мистикѣ и богу, прочитавъ наконецъ мою книгу (т. е. ея новый томъ), пишетъ въ статьѣ, напечатанной въ „Современномъ мірѣ“: Луначарскій устраняетъ изъ религіи всякій анимизмъ, а потому его религія не есть религія. Еще бы! Разъ мы *опредѣлили* религію какъ анимизмъ! Тѣмъ не менѣе мое радикальное отличіе отъ всякихъ богоискателей наконецъ понято Плехановымъ. Понято оно были и наиболѣе добросовѣстными богоискателями, напр. г. Минскимъ.

О нетерпимости.

Самымъ худшимъ видомъ религіозности, догматизма, церковщины и поповщины, является косность мысли и обскурантизмъ, съ крикомъ требующій партійнаго суда надъ всякимъ, кто высказалъ непривычную мысль. И грустные, и смѣшные, и отвратительные образчики этой поповщины, этой церковщины изукрашиваютъ собою послѣднюю книгу В. Ильина и всю полемическую дѣятельность Плеханова противъ товарищей соц.-дем. Если бы эти явленія не были случайными, можно было бы бояться, что марксизмъ окостенѣваетъ и грозитъ превратиться въ секту. Сопоставьте „марксизмъ“ Плеханова и Ленина съ такими словами Меринга: „Марксистовъ въ томъ смыслѣ, въ какомъ самъ Марксъ не признавалъ себя марксистомъ, въ партіи нѣтъ и не можетъ быть (увѣ! А. Л.). Клятва словами учителя есть печальный удѣлъ лишь тѣхъ школъ, кои претендуютъ на знаніе конечной истины. Но этого рода истины марксизмъ не знаетъ. Онъ — не непогрѣшимая догма, а методъ, онъ выросъ изъ самыхъ вещей и измѣняется вмѣстѣ съ ними“.

Еще рѣзче высказался Бебель въ одной изъ своихъ рѣчей: „У насъ не можетъ быть еретиковъ, потому что у насъ нѣтъ догмы; если кто разрушилъ догматизмъ, то это наши учителя Марксъ и Энгельсъ“.

Самымъ дурнымъ приѣмомъ сужденія о философскихъ теоріяхъ является приниманіе противъ нихъ „организационныхъ резолюцій“. Резолюціямъ мѣсто въ вопросахъ программы и тактики, но никакъ не въ обсужденіи теоретическихъ истинъ. Я знаю только

одинъ примѣръ такого сужденія, или *такой* попытки въ исторіи Герм. С.-Д. На съѣздѣ 1877-го года Мюстъ и нѣкоторые другіе требовали суда надъ однимъ с.-д. за его еретическія теоріи и изгнанія его изъ центрального органа. Нейсеръ извинился за появленіе этихъ ересей въ Ц. О., заявляя, „что редакция не располагала достаточными силами для надлежащей проверки философскихъ теорій“. Вальтейгъ требовалъ, чтобы читателей не кормили впредь „столь несъѣдобной умственной пищей“. Партейтагъ, хотя и не воспретилъ еретическаго сочиненія, но велѣлъ перенести его изъ газеты въ приложеніе. Товарищи! — дѣло шло объ Энгельсѣ и его „Антидюрингъ“.

А. Луначарскій.

Благочестивая редакция.

Исторія конфликта въ самой ред. „Прол.“ изъ-за вопроса о „богостроительствѣ“ была такова:

13-го февраля нынѣшняго года тов. Марать сообщилъ мнѣ, что узкая редакціонная коллегія (къ которой я не принадлежалъ) намѣрена помѣстить въ „Прол.“ статью противъ Луначарскаго, и что написано уже двѣ статьи, т. К. и его, Марата. Тогда я явился на засѣданіе узкой редакціи, и тамъ внесъ заявленіе, что помѣщеніе такой статьи нарушаетъ прошлогоднюю резолюцію *всего* Б. Ц. о философской нейтральности „Пролетарія“. Тов. Марать, который въ этой прошлогодней резолюціи не участвовалъ (былъ въ ссылкѣ), и дѣла въ точности не зналъ, — какъ человекъ лояльный, взялъ тотчасъ же обратно свою статью и предложилъ сдѣлать опросъ всей расширенной редакціи. Большинство узкой коллегіи предпочло опроса не дѣлать, а отказаться отъ помѣщенія статьи, каковое рѣшеніе можно было только приветствовать.

Но на слѣд. день узкая коллегія экстренно собралась — уже безъ меня, — и, отмѣнивъ принятое наканунѣ рѣшеніе, постановила (3 голоса противъ тов. Марата) напечатать статью т. К.

Узнавъ объ этомъ, я подалъ протестъ, главную часть котораго здѣсь привожу:

„Уважаемые товарищи! Тов. Марать сообщилъ мнѣ, что ред. „Прол.“ перемѣнила свое рѣшеніе по вопросу о напечатаніи статьи противъ Луначарскаго въ „Пролетаріи“. Ознакомившись съ наличными статьями на эту тему, констатирую, что новое постановленіе грубо нарушаетъ рѣшенія, принятые всей русской частью Б. Ц. зимой прошлаго года и всей заграничной его частью въ августѣ. Этими послѣдними постановленіями запрещается всякая полемика по философскимъ вопросамъ въ нелегальныхъ органахъ фракціи и допускается при условіи формальнаго равенства сторонъ въ изданіяхъ *легальныхъ*, напр. сборникахъ типа „Литературнаго распада“. Попытка обойти рѣшеніе ссылкой на то, что *философская* нейтральность не нарушается борьбою противъ *религіи*, есть явная увертка, п. ч. въ нашей фракціи не найдется, я думаю, человека настолько наивнаго, чтобы смѣшать *философское* употребленіе Дицгена, Луначарскимъ и нѣкоторыми другими терминами религіознаго происхожденія съ *религіей* въ историческомъ и политическомъ значеніи этого слова. Полная *выдуманность* новой аргументаціи явствуетъ уже изъ того факта, что никому изъ ред. „Прол.“ не приходило въ голову примѣнить ее до сихъ поръ, тогда какъ существовалъ рядъ статей Луначарскаго съ гораздо рѣзче, чѣмъ въ послѣдней статьѣ, выраженной терминологіей, противъ которой фактически направляется полемика.

Въ своемъ заявленіи я упустилъ отмѣтить одинъ фактъ, совершенно объективно и наглядно устанавливающий степень искренности поднятой съ цѣлью раскола кампаніи противъ „богостроительства“. Въ маѣ прошлаго года, та же самая редакция „Пролетарія“ организовала рефераты тов. Луначарскаго въ цѣломъ рядѣ городовъ Зап. Европы, рефераты на темы: 1) о профес. движеніи, 2) о *религии* и *социализмѣ*. Проспекты этихъ лекцій печатались, рассылались и распределялись *отъ имени ред. „Пролетарія“*. Вырученныя деньги *получила ред. „Пролетарія“*.

Ред. „Пролетарія“, вѣроятно, возразить, что денегъ этихъ было не такъ много...

Впрочемъ, ей правильнѣе было бы сослаться на то ортодоксальное... католическое ученіе, согласно которому всякое дурно пріобрѣтенное имущество должно итти въ пользу церкви, потому что, какъ замѣчаетъ Мефистофель

„Die Kirch' alleine, liebe Frauen,
Kann ungerechtes Gutt verdauen“ —

одна церковь можетъ переварить такое имущество. Въ данномъ случаѣ, вмѣсто церкви надо только поставить — редакцію „Пролетарія“.

Такъ или иначе, но „не въ шитьѣ была тамъ сила“, не въ чисто идейныхъ мотивахъ суть запоздалой борьбы противъ „богостроительства“ тамъ, гдѣ денежки за это самое „богостроительство“ получить не прочь, а защиту ортодоксіи противъ него беретъ на себя авторъ декадентскихъ критическихъ статей.

Я всегда былъ противникомъ религіозной терминологіи, но если бы имѣлъ время и возможность выступить противъ нея въ печати, все-таки не сталъ бы занимать этимъ страницы *нелегальнаго политическаго* органа, и поводомъ для нападенія выбралъ бы не ту статью, въ которой Луначарскій фактически уже отказывается отъ нея, говоря, что религіозная форма пониманія социализма „не наша“, — а его предыдущія работы, гдѣ онъ, дѣйствительно, ее отстаивалъ. Но редакція „Пролетарія“ эти предыдущія работы внушили только мысль отправить Луначарскаго съ рефератами, — за что, конечно, нелѣпо было бы упрекать редакцію, если бы она послѣ этого вдругъ не проявила такого „искренняго“ анти-религіознаго пыла — въ связи съ расколомъ, который устраивала.

Н. Максимовъ.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ
ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА

411 10321

ОПЕРАТИВНАЯ ТИПОГРАФИЯ „СОЮЗЪ“, 3, rue Beaunier, Paris